Каменная книга

Андрей Апухтин

Каменная книга

«Автор»

2026

Апухтин А. А.

Каменная книга / А. А. Апухтин — «Автор», 2026

Лада, кот Барсик, бабушка Нина и Степан Варфоломеич находят в фундаменте крепости на холме каменную книгу — тонкие плитки сланца с выпуклыми знаками, которые читаются пальцами, как Брайль. Тихон Варфоломеев высекал её десять лет, по знаку в день, для того, кто придёт через триста лет. Лада читает — и узнаёт о трёх строителях, трёх хранителях, трёх печатях и клятве на камне. Три семьи — Поляковы, Северовы и Ласточкины — триста лет хранили тайну подземелий. Бабушка Нина — потомок первого хранителя. Виктор Северов приезжает из Самары, Артём Ласточкин — из Екатеринбурга. Три печати, три ключа, одна медная дверь в меловом зале под крепостью. За ней — шкатулка с золотым кольцом, ключом и медной пластиной: «Здравствуй, наследник. Ты пришёл. Я ждал. Храни и передай. По спирали. Вечно». Лада — четвёртый хранитель, та, кто объединяет трёх. Начинает писать, чтобы передать дальше, следующему витку спирали. Камень вечен. Клятва вечна. Спираль бесконечна. Добрый детектив для детей 6–9 лет.

© Апухтин А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Каменная книга 5
Пальцы читают 10
Первые слова 15
Хранители 20
Древний язык 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Андрей Апухтин
Каменная книга

Каменная книга

Лада сидела за столом в квартире бабушки Нины и смотрела на каменную книгу.

Каменная книга лежала на старом дубовом столе, накрытая белой тряпицей, и Лада не решалась тронуть её. Она нашла её вчера — в фундаменте старой крепости на холме, за каменной плитой с восьмиконечной звездой. Алексей Варфоломеев, потомок строителя Старогорска, приехавший из Москвы, поднял плиту золотым ключом, и под ней, в нише, обложенной мхом, лежала книга. Не бумажная, не кожаная — каменная. Тонкие плитки сланца, скреплённые медной скобой, с выпуклыми знаками на каждой странице. Знаки были маленькие, выпуклые, как бисер, и шли строками — слева направо, сверху вниз. Лада провела по ним пальцем и почувствовала: каждый знак — как буква, как буква Брайля, только другая. Древняя. Старославянская. Или ещё древнее.

«Это книга Тихона Варфоломеева, — сказал Алексей, когда они вынули её из ниши. — Я знал, что она существует. Дед рассказывал про каменную книгу — записи строителя Старогорска, высеченные на сланце, чтобы пережить все пожары и все войны. Бумага горит, кожа сохнет, металл ржавеет. Камень — вечен. Тихон высекал её десять лет, по слову в день, каждый вечер, после работы. Это его завещание. Его дневник. Его клятва».

Лада смотрела на каменную книгу и чувствовала — от неё шло тепло. Не от камня — от чего-то внутри, как от медного значка, который гудел в ладони. Книга была тяжёлая — килограмма три, не меньше. Тонкие плитки сланца, отполированные пальцами Тихона, тёмно-серые, с серебристыми прожилками слюды. Медная скоба, скрепляющая их, потемнела от времени, но держала крепко. Лада осторожно перевернула первую страницу — сланец скользнул, как лёд по льду, и под ним оказалась вторая — с новыми знаками, новыми строками, новой тайной.

Бабушка Нина придвинула стул и села рядом. Она надела очки — не свои обычные, а другие, с лупой в одной линзе, которые назывались «чувствительные» и которые она доста-

вала только для самых тонких работ. Лупа увеличивала знаки в три раза, и под ней каждый выпуклый знак становился чётким, как чеканка на монете. «Старославянская вязь, — сказала бабушка Нина, водя лупой по первой странице. — Но не обычная. Тихон использовал особый шрифт — выпуклый, для чтения пальцами. Как Брайль, только за сто лет до Брайля. Тихон был слеп к концу жизни — может, поэтому высекал знаки, которые можно читать на ощупь. Или он делал это специально — чтобы книгу мог прочитать любой, даже тот, кто не видит. Даже тот, кто не умеет читать обычные книги. Даже ребёнок».

Лада посмотрела на свои пальцы — тонкие, маленькие, с обкусанными ногтями и царапиной на указательном, от вчерашнего лазания по подземелью. «Я могу попробовать? — спросила она. — Прочитать пальцами?» Бабушка Нина кивнула. «Попробуй. Медленно. Положи палец на первый знак и веди — слева направо, как читаешь обычную книгу. Не торопись. Каждый знак — как буква. Почувствуй его».

Лада положила указательный палец на первый знак. Он был выпуклый — маленький, круглый, как пуговица, с лучами, расходящимися от центра. «Звезда, — сказала Лада. — Восьмиконечная звезда. Как на медном значке». Второй знак — два круга, один внутри другого. «Круг в круге». Третий — волнистая линия. «Вода». Четвёртый — вертикальная черта с двумя косыми. «Дерево? Или человек?» Бабушка Нина следила, записывая каждый знак в тетрадь. Алексей Варфоломеев наклонился и смотрел, не дыша. Степан Варфоломеич сидел у стены, слушал и молчал — он был ещё слаб после двадцати лет под землёй, но не хотел пропустить ни слова. Барсик лежал на подоконнике и смотрел в окно, но уши его были повёрнуты — он слушал.

Лада читала каменную книгу весь день. Она вела пальцем по знакам — медленно, осторожно, как слепая, и бабушка Нина записывала каждый знак в тетрадь, рисуя его форму и рядом — предположение, что он мог означать. К вечеру первая страница была прочитана — двадцать семь знаков, семь строк, и каждый знак — как иероглиф, как пиктограмма, как буква из забытого алфавита. Лада устала — пальцы ныли, глаза болели от напряжения, спина затекла. Но она не хотела останавливаться. «Ещё страницу, — просила она. — Ну пожалуйста, ещё одну». Бабушка Нина качала головой. «Хватит на сегодня. Каменная книга не убежит. Она ждала триста лет — подождёт до завтра. А тебе нужно отдохнуть. Пальцы должны отдохнуть — иначе завтра они не будут чувствовать знаки. Как музыканту нужно давать рукам отдых».

Лада откинулась на спинку стула и посмотрела на свои записи. Знаки были странные — не буквы, не картинки, что-то среднее. Восьмиконечная звезда — может, «город» или «крепость». Круг в круге — может, «внутри» или «тайна». Волнистая линия — «вода» или «река». Вертикальная черта с косыми — «человек» или «строитель». Две точки рядом — «два» или «пара». Треугольник с точкой — «гора» или «верх». Косая черта — «нет» или «убрать». Лада нарисовала их в своём блокноте и попробовала сложить в слова. «Звезда — круг — вода» — «город — внутри — вода»? «Город внутри воды»? Или «город за водой»? Или «город, где вода внутри»?

«Подземный город, — сказал Алексей Варфоломеич, который слушал, сидя у окна. — Тихон строил подземный город под Старогорском. Мастерские, хранилища, библиотеки — всё под землёй. Каменная книга — может, описание того, что он построил. Карта. Указатель. Инструкция для тех, кто придёт после». Лада посмотрела на него. «Вы думаете — это карта?» Алексей пожал плечами. «Может, карта. Может, письмо. Может, клятва. Мы не узнаем, пока не прочитаем. А читать нужно медленно — как Тихон писал. По слову в день».

Утром Лада проснулась рано — раньше будильника, раньше мамы, раньше солнца. За окном было серое предрассветное небо, и Барсик спал на её ногах, тяжёлый и тёплый, как печка. Лада лежала и думала о каменной книге. Двадцать семь знаков на первой странице. Сколько всего страниц? Вчера она не сосчитала — была слишком занята чтением.

Она вспомнила: тонкие плитки сланца, скреплённые медной скобой. Десять? Пятнадцать? Двадцать? Если на каждой странице — двадцать семь знаков, а страниц двадцать — то всего пятьсот сорок знаков. Пятьсот сорок знаков, высеченных на камне, по одному в день. Полтора года работы. Каждый день, вечером, после работы, Тихон садился и высекал один знак. Один. Маленький, выпуклый, на сером сланце. Зубилом и молотком, или иглой, или гвоздём — чем он высекал?

Лада представила: тёмная мастерская, свеча, старый человек с больными глазами, склонившийся над камнем, и тихий стук — тук, тук, тук — как ночной стук из-под пола, только мягче, тише, как стук сердца.«Барсик, — прошептала Лада, — ты думаешь, Тихон знал, что кто-то прочитает его книгу?» Барсик не ответил — он спал, и только кончик хвоста дрогнул, как будто ему снилось что-то интересное. Лада встала, оделась — синий свитер с дыркой на левом локте, коричневые ботинки, рюкзак — и пошла к бабушке Нине. Бабушка уже не спала — она сидела на кухне, пила чай и читала тетрадь со вчерашними записями. «Доброе утро,

— сказала она, не поднимая глаз. — Я разбирала знаки до трёх ночи. У меня есть гипотеза. Садись, чай будешь?» Лада села и налила себе чай — горячий, сладкий, с лимоном. Бабушка Нина отложила тетрадь и посмотрела на неё. «Я думаю, знаки — не просто буквы. Это пиктограммы — картинки-слова. Каждый знак означает слово, а не букву. Как в египетских иероглифах. Восьмиконечная звезда — не город", а Старогорск". Круг в круге — не внутри", а тайна". Волнистая линия — река". Человек с поднятыми руками — строитель".

Тихон придумал свой язык — язык знаков, которые можно прочитать пальцами, не зная алфавита. Любой человек, из любой страны, может прочитать — потому что знаки универсальны. Как картинки. Как смайлики, только древние».

Лада допила чай и попросила бабушку Нину показать ей все знаки, которые она разобрала. Бабушка разложила тетрадь на столе — двадцать семь знаков, аккуратно нарисованных карандашом, с пояснениями рядом. Звезда — Старогорск. Круг в круге — тайна. Волна — река. Человек с поднятыми руками — строитель. Человек с опущенными руками — хранитель. Две точки — два. Три точки — три. Треугольник — гора, или верх.

Перевёрнутый треугольник — подземелье, или низ. Косая черта — нет, или убрать. Крест — дверь, или вход. Круг с точкой — источник, или ключ. Ладонь — отдать, или передать. Кулак — хранить, или защищать. Глаз — знать, или видеть. Ухо — слышать, или слушать. Рука — делать, или строить. Сердце — любить, или клятва. Камень — вечный, или навсегда. Солнце — день, или жизнь. Луна — ночь, или тайна. Дерево — рост, или потомок. Река — путь, или дорога. Мост — соединение, или встреча. Стрела — направление, или указатель. Вопросительный знак — неизвестность, или загадка.

«Двадцать семь знаков, двадцать семь слов, — сказала бабушка Нина. — Этого хватит, чтобы написать простые фразы. Как в азбуке Морзе — точка-тире, точка-тире. Только здесь — не звуки, а слова. Тихон создал язык из двадцати семи слов. Этого мало для романа, но достаточно для послания». Лада смотрела на знаки и пробовала складывать. «Звезда — круг — волна — человек с поднятыми руками» — «Старогорск — тайна — река — строитель». «Старогорск — тайна реки — строитель»? Или «Старогорск — тайна, реку построил строитель»? Или «Строитель — тайна Старогорска — река»?

«Нужно читать по порядку, — сказала бабушка Нина. — Тихон писал слева направо, сверху вниз. Первая строка — главное. Вторая — пояснение. Третья — продолжение. Давай попробуем первую страницу целиком». Лада положила палец на каменную страницу и начала

читать — медленно, знак за знаком, строка за строкой. Бабушка Нина записывала. Алексей переводил. Степан Варфоломеич слушал. Барсик спал, но уши его были повёрнуты. И постепенно, по знаку, по слову, по строке, каменная книга начала говорить.

Пальцы читают

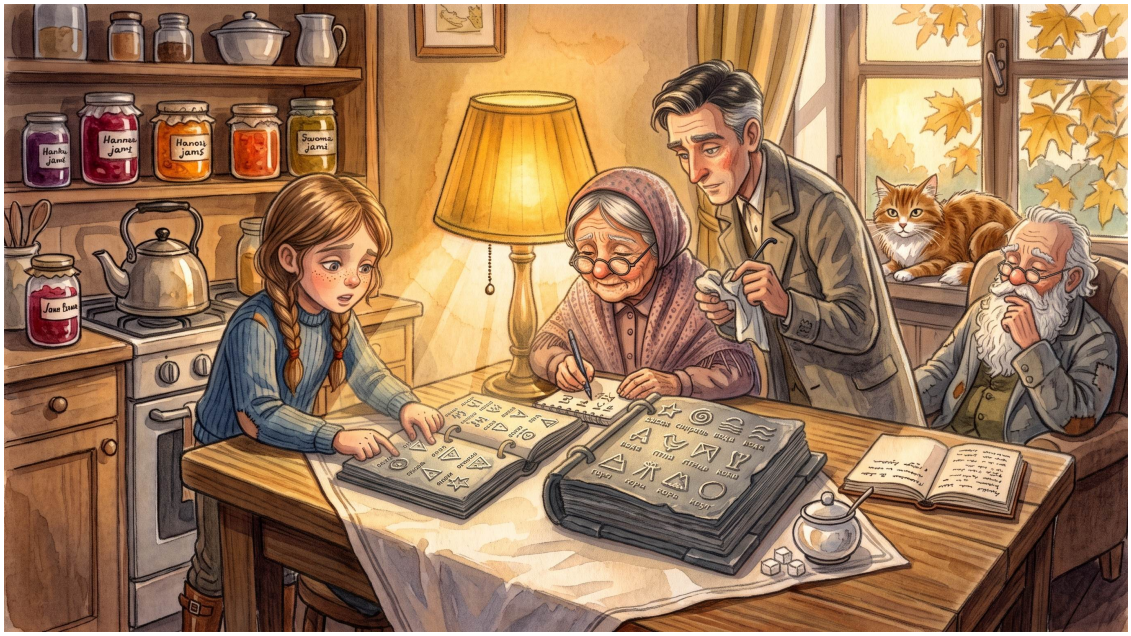
Первая страница каменной книги говорила о реке.

Лада читала медленно, знак за знаком, и бабушка Нина записывала, и Алексей переводил, и постепенно слова складывались в послание — простое, ясное, как инструкция на коробке с лекарством. «Старогорск — тайна — река — строитель — строитель — строитель». Три строителя. Лада перечитала — да, три знака «человек с поднятыми руками», подряд. «Три строителя, — повторила она. — Тихон пишет про трёх строителей?» Алексей кивнул. «Три строителя — это Тихон и двое его братьев. Дед рассказывал: у Тихона было два брата — Глеб и Никита. Все трое были каменотёсами, как их отец. Они строили Старогорск вместе — дома, мосты, подземелья. Тихон был старший — он придумывал, братья — выполняли. Каменная книга начинается с них — с троих, как с трёх китов, на которых стоит мир».

Вторая строка: «подземелье — дверь — река — путь — тайна». «Подземелье — дверь — река — путь — тайна, — прочитала Лада. — Подземная дверь к реке — тайный путь?» Бабушка Нина записала и задумалась. «Или: подземелье, дверь, река — путь тайны. Тайный путь через подземелье и дверь к реке. Это описание того, что мы уже прошли — подземный ход от дома к реке, с каменной дверью-пробкой. Тихон записал маршрут — чтобы тот, кто найдёт книгу, знал, куда идти».

Третья строка: «камень — вечный — клятва — сердце — строитель». «Камень — вечный — клятва — сердце — строитель, — прочитала Лада. — Каменная клятва строителя? Клятва, высеченная на камне, вечная, от сердца?» Алексей снял очки и протёр их. «Клятва, — сказал он тихо. — Тихон клянётся. В чём — нужно читать дальше. Но первая страница — вступление. Три строителя, тайный путь, клятва. Он клянётся, что что-то сохранит. Что-то, что важно настолько, что он высек клятву на камне и спрятал её под землёй на триста лет».

Лада перевернула страницу — сланец скользнул, тихо и мягко, и под ним оказалась вторая страница, с новыми знаками, новыми строками, новыми словами. Каменная книга начиналась. И Лада — худенькая девочка восьми лет, с русыми косичками и красными резинками, в синем свитере с дыркой на левом локте — была её первым читателем за триста лет.



Вторая страница была сложнее. Знаки шли плотнее, строки — длиннее, и Лада читала медленнее, потому что пальцы уставали — каждый знак нужно было «прочитать» на ощупь,

как монету, нащупать выпуклость, распознать форму. Первая строка: «хранитель — хранитель — хранитель — глаз — знать — видеть». Три хранителя. Глаз — знать — видеть. «Три хранителя знают и видят, — перевела Лада. — Тихон пишет про трёх хранителей? Как три строителя, только хранители?» Бабушка Нина кивнула. «Три строителя построили, три хранителя сохранят. Тихон назначает хранителей — тех, кто будет охранять подземелья после него. Кто эти хранители — нужно читать дальше».

Вторая строка: «камень — вечный — клятва — сердце — хранитель». «Каменная клятва хранителя, — прочитала Лада. — Как на первой странице — клятва строителя. Только теперь — клятва хранителя. Хранитель клянётся хранить. Клятва на камне, вечная, от сердца». Алексей Варфоломеев слушал, и глаза его — голубые, яркие, как у всех Варфоломеевых — блестели. «Дед рассказывал, — сказал он. — Тихон назначил трёх хранителей — трёх своих учеников, трёх подмастерьев, которым доверял. Они должны были охранять подземелья, следить, чтобы ходы не обрушились, чтобы двери не зарастали, чтобы тайна не пропала. Но что случилось с хранителями — дед не знал. Может, они передавали свою обязанность детям, а дети — своим детям, и так триста лет. Может, линия прервалась, и хранители исчезли, и тайна осталась без охраны».

Третья строка: «рука — передать — рука — передать — дерево — рост — потомок». «Рука передаёт руку, передаёт — дерево растёт — потомок, — прочитала Лада. — Передача из руки в руку, дерево растёт, потомок. Хранители передают обязанность из рук в руки, от поколения к поколению, как дерево растёт — от семени к дереву. Потомок. Хранитель-потомок. Каждый хранитель передаёт следующему — своему ребёнку, своему ученику. И так — триста лет».

Лада откинулась от книги и посмотрела на Алексея. «Вы — потомок Тихона. Значит, вы — хранитель?» Алексей покачал головой. «Я — потомок, но не хранитель. Хранителями были не Варфоломеевы — Варфоломеевы были строители. А хранители — другие люди. Тихон назначил их, и они служили. Кто они были — дед не говорил. Может, каменная книга скажет».

Третья страница принесла первый сюрприз. Лада читала, и пальцы её вдруг остановились — на знаке, которого не было в списке бабушки Нины. Новый знак. Не звезда, не круг, не волна — что-то другое. Лада провела по нему пальцем несколько раз, пытаясь понять форму. Круг, а внутри — не точка, а крест. Круг с крестом внутри. «Бабушка Нина, — сказала Лада, — тут новый знак. Круг с крестом. Его нет в списке». Бабушка Нина взяла лупу и наклонилась.

«Действительно, — сказала она. — Круг с крестом. Не встречалось. Что бы это значило? Круг — тайна, крест — дверь. Тайная дверь? Или круг — источник, крест — дверь. Дверь источника? Или круг — замкнутое, крест — пересечение. Пересечение замкнутого?»

Алексей подошёл и посмотрел через лупу. «Круг с крестом, — повторил он. — В старых картах так обозначали монастырь. Или часовню. Или место силы — где люди молились. Тихон был верующим — он строил церковь в центре Старогорска, ту, что стоит до сих пор. Может, этот знак — церковь? Или место, где строители молились перед работой?»

Степан Варфоломеич, молчавший до сих пор, вдруг подал голос — тихий, хриплый, но твёрдый: «Круг с крестом — печать. Печать хранителя. У каждого хранителя была печать — медная, с личным знаком. Круг с крестом — печать первого хранителя. Я видел такие печати в архиве, когда ещё работал. Три печати, три хранителя, три знака. Одна из них — круг с крестом».

Все повернулись к Степану Варфоломеичу. Он сидел в кресле, прямой, как свеча, и глаза его — голубые, яркие — смотрели в одну точку, как будто он видел что-то, чего не видели другие. «Я архивариус, — сказал он. — Я работал с документами Старогорска двадцать лет. Я видел печати на старых документах — на актах, на договорах, на завещаниях. Три печати, три знака. Круг с крестом — первый хранитель. Треугольник с точкой — второй. Ладонь с тремя пальцами — третий. Три печати, три хранителя, три семьи. Они подписывали документы вместе — три печати рядом, как три подписи. Я помню, потому что искал эти печати. И не находил — печати исчезли лет сто назад. Но я помню их формы. И круг с крестом — вот он, на каменной странице. Тихон высек его на камне. Первая печать. Первый хранитель».

Лада записала новый знак в блокнот и продолжила читать. Третья страница, после круга с крестом, говорила о трёх печатях. «Печать — печать — печать — рука — передать — потомок — потомок — потомок». Три печати, передаваемые из рук в руки, потомкам. Три семьи хранителей, три династии, триста лет. Лада нарисовала в блокноте три печати — круг с крестом, треугольник с точкой, ладонь с тремя пальцами — и рядом три фамилии, с вопросительными знаками. Кто эти семьи? Где их потомки? Живы ли они? Или они тоже исчезли, как печати?

Алексей Варфоломеев достал из кармана пальто маленький блокнот — потёртый, кожаный, с пожелтевшими страницами. «Дедов блокнот, — сказал он. — Он записывал всё, что знал о семье, о Старогорске, о Тихоне. Здесь есть список хранителей — неполный, со пробелами, но есть». Он перелистнул страницы и нашёл запись — написанную от руки, синими

чернилами, мелким почерком. «Первый хранитель — Никита Поляков, каменотёс. Второй — Глеб Северов, плотник. Третий — Михаил Ласточкин, кузнец. Три фамилии — Поляковы, Северовы, Ласточкины. Все из Старогорска. Все — мастера, как и строители. Тихон назначил хранителями не князей и не купцов, а мастеров — тех, кто работал руками, кто знал камень и дерево, кто мог починить ход и поднять завал».

Лада повторила: «Поляковы, Северовы, Ласточкины. Три семьи. Три печати. Триста лет». И вдруг замерла. «Бабушка Нина, — сказала она медленно. — Ваша девичья фамилия — Полякова? Вы же говорили?» Бабушка Нина сняла очки и протёрла их. Руки её дрожали — чуть-чуть, как листья. «Полякова, — повторила она тихо. — Мой отец был Поляков. И его отец. И его отец. Мы живём в Старогорске уже давно. Очень давно. Но я никогда не знала, что мы — хранители. Никто в семье не говорил про печати, про подземелья, про клятвы. Если мы и были хранителями — то забыли об этом поколения назад. Тайна потерялась».

Лада посмотрела на бабушку Нину — маленькую, седую, в серо-розовом платочке, с морщинками-лучиками и круглыми очками на кончике носа. Бабушка Нина — потомок первого хранителя. Никиты Полякова, каменотёса. Триста лет её семьи хранили тайну, а потом забыли. Но кровь — не забывает. И бабушка Нина, сама не зная, стала архивариусом — хранителем памяти. Как будто внутри неё, в генах, в крови, жила память хранителя, и привела её — к каменной книге.

Комната замолчала. Все переваривали новость — бабушка Нина, потомок первого хранителя. Никита Поляков, каменотёс, назначенный Тихоном триста лет назад. Бабушка Нина молчала, держа очки в руках, и смотрела в одну точку — как человек, который увидел своё отражение в очень старом зеркале и узнал себя, но не узнал. «Три семьи, — сказала наконец Лада. — Поляковы, Северовы, Ласточкины. Бабушка Нина — Полякова. А Северовы и Ласточкины — где они?»

Алексей полистал дедов блокнот. «Северовы... Последняя запись — 1917 год. Сергей Северов, четвёртое поколение хранителей. После революции — ничего. Может, уехали. Может, погибли. А Ласточкины... Последняя запись — 1943 год. Анна Ласточкина, шестое поколение. Во время войны — ничего. Старогорск был оккупирован, многие погибли, многие уехали. Ласточкины могли исчезнуть».

«Две семьи из трёх, — сказала Лада. — Одна — бабушка Нина. А две — пропали. Их печати — пропали. Их знание — пропало. Они не хранили тайну, потому что их не стало».

Степан Варфоломеич поднял руку — медленно, как флаг. «Не торопись, — сказал он. — Я искал эти семьи двадцать лет. Как архивариус. Северовы — я нашёл след. Последний Северова — Мария Сергеевна, 1941 год. Уехала в Куйбышев, эвакуация. После войны — не вернулась. Но в Куйбышеве — может, потомки. А Ласточкины — Анна Ласточкина, 1943 год. Она не уехала. Она осталась в Старогорске. Её дом был на улице Мастеров — той самой, что мы нашли под землёй. Она жила над подземельем. Может, она знала. Может, она была последней, кто знал».

Лада достала блокнот и записала: «Хранители: 1) Поляковы — бабушка Нина (нашлась). 2) Северовы — пропали после 1917, может, потомки в Куйбышеве (Самаре). 3) Ласточкины — пропали после 1943. Анна Ласточкина осталась в Старогорске, жила на улице Мастеров. Нужно искать». Барсик спрыгнул с подоконника, подошёл к Ладе и муркнул — тихо, настойчиво, как будто говорил: «Ищите. Я помогу». Лада погладила его по голове — рыжей, пушистой, тёплой — и сказала: «Мы найдём. Всех трёх. Каменная книга не будет прочитана, пока мы не найдём всех хранителей. Три печати, три семьи, три хранителя. Так?» Бабушка Нина надела очки, выпрямилась и сказала — тихо, но твёрдо: «Так. Я — Полякова. Я — первый хранитель. И я принимаю свою печать». Она взяла со стола карандаш, нарисовала круг с крестом в блокноте и поставила рядом своё имя: «Нина Полякова. Хранитель первая».

Первые слова

Лада провела вечер, изучая записи. Она разложила на кровати блокнот, тетрадь бабушки Нины и дедов блокнот Алексея, и сравнивала. Три печати, три семьи, три хранителя. Поляковы — бабушка Нина. Северовы — пропали после 1917 года. Ласточкины — пропали после 1943 года. Две семьи из трёх — исчезли. Но люди не исчезают бесследно. У людей бывают дети, у детей — внуки, у внуков — правнуки. Где-то, в каком-то городе, живут потомки Северова и Ласточкиной. Может, они не знают, кто они. Может, они забыли, как забыла бабушка Нина. Но кровь помнит, и рано или поздно потомок хранителя оказывается там, где нужно, — как бабушка Нина, которая стала архивариусом, сама не зная почему.

«Барсик, — сказала Лада, поглаживая кота, который лежал рядом, тёплый и тяжёлый, как булыжник, — нам нужно найти двух хранителей. Северовых и Ласточкиных. Но как? Мы не сыщики, мы не милиция, мы не можем искать людей по всей стране». Барсик мурлыкнул — тихо, как моторчик, и перевернулся на спину, выставив белое пятно на груди. Лада почесала ему живот. «Хотя... — сказала она задумчиво. — Бабушка Нина — архивариус. У неё есть доступ к архивам. Метрические книги, записи о рождении, о браке, о смерти. Если Северовы и Ласточкины жили в Старогорске — их записи есть в архиве. И если они уехали — их записи о выезде тоже есть. Можно проследить — куда уехали, где жили, кто их дети. Это как нить, которую тянут из клубка — тяни, тяни, и найдёшь конец».

Утром Лада побежала к бабушке Нине и рассказала свой план. Бабушка слушала молча, кивая, и когда Лада закончила, сказала: «Архив — это я могу. Я работала в городском архиве тридцать лет. Метрические книги, переписи, домовые книги — всё у нас. Приходи после обеда, я позвоню Наталье Петровне, она заведующая, она пустит. Но, Лада, — бабушка Нина сняла очки и посмотрела на неё серьёзно, — архив — это не магия. Это медленно, это трудно, это сотни страниц рукописного текста. Мы можем искать неделю и не найти. А можем найти за час. Как повезёт».

После обеда Лада и бабушка Нина пошли в архив. Архив располагался в старом двухэтажном здании на углу улицы Ленина и переулка Садового — кирпичном, с толстыми стенами и маленькими окнами, как крепость. На двери — табличка: «Городской архив. Основан в 1903 году». Бабушка Нина открыла дверь своим ключом — старым, тяжёлым, латунным. «Приви-

легия бывшего сотрудника, — сказала она с улыбкой. — Наталья Петровна даёт мне ключ на время. Она знает, что я не чужая».

Внутри было прохладно и пахло старой бумагой — тот запах, который Лада уже знала по квартире бабушки Нины и по подземелью. Полки от пола до потолка, коробки с папками, связки с лентами. Бабушка Нина прошла мимо них, как хозяйка, и привела Ладу в маленькую комнату — читальный зал, с одним столом, одной лампой и одним окном, за которым был двор с клёнами. «Садись, — сказала она. — Я принесу метрические книги. Северовы и Ласточкины — фамилии нечастые, но не редкие. Будем искать».

Она ушла и вернулась через десять минут с тремя толстыми книгами — переплёт тёмно-коричневый, страницы желтоватые, исписанные от руки чернилами, которые выцвели до коричневого. «Метрические книги Спасо-Преображенской церкви, 1880–1920 годы. Здесь записаны все рождения, браки и смерти в Старогорске за сорок лет. Если Северовы жили здесь — они здесь записаны». Бабушка Нина открыла первую книгу — страница за страницей, строка за строкой. Почерк был старинный, с завитушками и крючками, и Лада с трудом разбирала буквы. «Северов... Северов... — бормотала бабушка Нина, водя пальцем по строкам. — Вот! Сергей Северов, родился 1885 года, отец — Пётр Северов, мать — Анна Северова, девичья — Лебедева. Запись о рождении. А вот — Сергей Северов, брак, 1910 года, жена — Мария, девичья — Зайцева. А вот — рождение сына, 1912 года, Александр. И ещё — дочь, 1915 года, Елена. Двое детей. После 1917 года — записи обрываются. Церковь закрыли, метрические книги перестали вести. Дальше — нужно искать в других документах».

Они искали два часа. Бабушка Нина листала метрические книги, Лада — переписывала находки в свой блокнот. Сергей Северов, 1885 года рождения. Жена — Мария Зайцева. Дети — Александр, 1912, и Елена, 1915. После 1917 — пусто. «Нужно искать в домовых книгах, — сказала бабушка Нина. — После революции записи вели не церковь, а домовые управления. Кто жил в доме, кто уехал, кто прописан». Она ушла и вернулась с тонкой тетрадью — серой, потёртой, с штампом «Домовое управление, 1923 год». «Вот, — сказала она, открывая тетрадь. — Улица Мастеров, дом 7. Северов Сергей Петрович, жена Мария, сын Александр, дочь Елена. Проживают. А дальше — 1925 год. Северов Сергей, выезд в Куйбышев. Семья — выезд в Куйбышев. Вот и всё. Уехали. Все вместе — в Куйбышев».

«Куйбышев, — повторила Лада. — Это Самара. Мы можем найти там Северова? Потомков?» Бабушка Нина покачала головой. «Я не могу. Мой архив — только Старогорск. За доку-

ментами в Самару нужно писать — запрос, ждать ответа. Это долго, месяцы. Но...» Она замолчала и посмотрела на Ладу. «Но у нас есть Алексей. Алексей Варфоломеев. Он из Москвы, у него связи, он может написать запрос в Самарский архив. Или поехать сам. Или найти через интернет — сейчас же всё есть в интернете. Потомков можно искать через сайты, через базы данных».

Лада кивнула и записала: «Северовы: уехали в Куйбышев (Самару) в 1925 году. Дети — Александр (1912) и Елена (1915). Нужно искать в Самаре. Попросить Алексея». Она перевернула страницу блокнота и написала: «Ласточкины». Бабушка Нина открыла другую метрическую книгу. Поиск шёл медленно — Ласточкиных было больше, чем Северовых, и Ладе пришлось выписывать всех, чтобы не пропустить нужного. Но вот — бабушка Нина остановилась и постучала пальцем по странице. «Анна Ласточкина, 1890 года рождения, отец — Михаил Ласточкин, мать — Ольга, девичья — Сорокина. Брак — 1912 года, муж — Пётр Ласточкин, кузнец. Дети — Иван, 1913, и Мария, 1916. А дальше — запись о смерти мужа, 1918 года. Пётр Ласточкин, убит на фронте. Анна осталась вдовой с двумя детьми. И дальше — домовая книга, 1940-е годы».

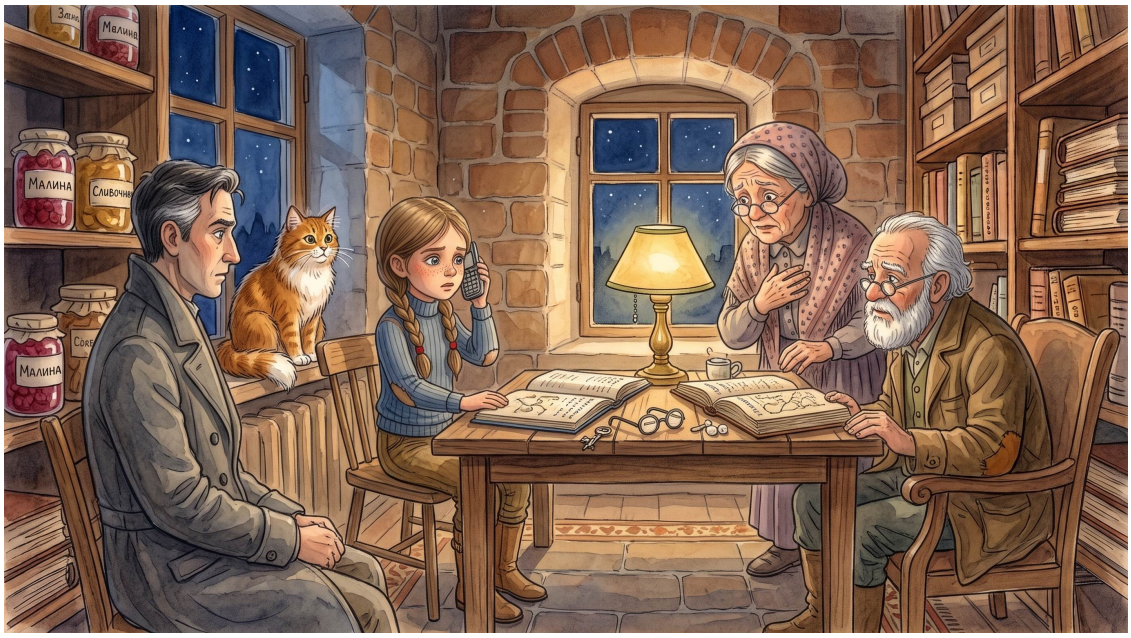
Бабушка Нина нашла запись о Ласточкиных в домовой книге 1943 года. «Улица Мастеров, дом 12. Ласточкина Анна Михайловна, вдова. Дети — Иван, 1913, и Мария, 1916. Проживают. 1943 год — отметка: дом разрушен, жильцы эвакуированы. Куда — не указано». Лада и бабушка Нина переглянулись. «Дом разрушен, — сказала Лада. — Во время войны. Улицу Мастеров бомбили?» Бабушка Нина кивнула. «Старогорск был оккупирован с 1941 по 1943. Улица Мастеров была на окраине, рядом с заводом — её бомбили. Многие дома разрушены. Ласточкина жила в доме двенадцать — а мы нашли подземную улицу Мастеров под землёй, с десятью мастерскими. Дом двенадцать — это...»«Мастерская кузнеца! — воскликнула Лада. — Тихон построил подземную улицу Мастеров, и дома на поверхности стояли над подземными мастерскими. Дом двенадцать — кузница. Ласточкина была женой кузнеца. Пётр Ласточкин — кузнец. Он работал в кузнице на улице Мастеров, а под ней — подземная мастерская. Может, Ласточкина знала про подземелье? Может, она была не просто хранителем — она была хранителем, который жил прямо над хранилищем?»Степан Варфоломеич, который пришёл с ними в архив — медленно, с палочкой, но пришёл, потому что не мог пропустить поиск, — тихо сказал: «Я помню Ласточкину. Анна Михайловна. Я был молодым архивариусом, пришёл в архив в 1980 году, и Анна Михайловна приходила в архив — старая, седая, в тёмном платке.

Она просила найти документы по улице Мастеров. Она говорила, что её муж был кузнецом, и она хочет найти записи о его мастерской. Я нашёл ей документы. Она плакала. Она говорила: Дом разрушен, а под домом — всё цело. Камень не горит". Я тогда не понял. Теперь понимаю. Она знала. Она знала про подземелье».

Лада записала: «Ласточкина Анна Михайловна — знала про подземелье. Дом разрушен, а под домом — всё цело. Камень не горит." Приходила в архив в 1980-е. Дети — Иван (1913) и Мария (1916). После войны — эвакуация, куда — неизвестно. Нужно искать потомков». Она посмотрела на Степана Варфоломеича. «Вы помнили, как её звали. А вы помните — как она выглядела? Может, она ещё жива? Может, мы можем найти её?» Степан Варфоломеич покачал головой. «Ей было за восемьдесят, когда она приходила в архив. Это было сорок лет назад. Она, скорее всего, уже умерла. Но дети — Иван и Мария — им было бы под семьдесят-восемьдесят. Может, живы. Может, живут в Старогорске или где-то рядом».Лада достала телефон — старый, кнопочный, с маленьким экраном — и набрала номер Алексея. «Алексей, — сказала она, когда он ответил, — мы нашли в архиве записи о Северовых и Ласточкиных. Северовы уехали в Куйбышев в 1925 году. Ласточкины — эвакуированы в 1943-м. Нужно искать потомков. Вы можете помочь? Через интернет, через базы данных?» Алексей помолчал и сказал: «Я в Москве, у меня доступ к нескольким базам — архивным, генеалогические. Дайте мне имена и даты, я поищу. И ещё — я знаю одного человека в Самаре, историка, он занимается генеалогией Старогорска. Спрошу его. Ждите».Лада продиктовала имена и даты: Северов Александр Сергеевич, 1912 года рождения. Северов Елена Сергеевна, 1915 года рождения. Ласточкин Иван Петрович, 1913 года рождения. Ласточкина Мария Петровна, 1916 года рождения. Все четверо — дети хранителей. Все четверо — носители печатей, может быть. Если живы — то это последние хранители. Если нет — то их дети, внуки, правнуки. Нить тянется. Лада положила телефон и посмотрела на бабушку Нину. «Ждём, — сказала бабушка Нина. — Архив — это терпение. Иногда ответ приходит через день, иногда через год. Но он приходит. Всегда». Барсик, лежавший под столом, муркнул — как будто согласился. Терпение — это не его сильная сторона, но он готов был ждать. Вместе с Ладой.

Хранители

Через два дня Алексей позвонил. Лада взяла трубку и услышала его голос — возбуждённый, быстрый, совсем не спокойный, каким он был обычно. «Лада, я нашёл. Не всех, но нашёл. Северовы — Александр Сергеевич умер в 1989 году в Самаре. У него было двое детей — сын и дочь. Сын, Виктор Александрович, 1940 года рождения, живёт в Самаре, пенсионер. Дочь — Наталья Александровна, 1945 года, живёт в Москве. Я нашёл Виктора — он ответил на мой запрос. Он помнит, что отец говорил про Старогорск, про какой-то старый секрет", но не знает подробностей. Он согласился поговорить. Я дам вам его телефон».Лада записала номер и сразу позвонила. Трубку взяли не сразу — гудки шли долго, один за другим, как капли. Потом — голос: мужской, старческий, с лёгким южным акцентом. «Алло?» — «Здравствуйте, — сказала Лада, и сердце стучало, как три удара из-под пола. — Меня зовут Лада, я из Старогорска. Мы с бабушкой Ниной — она архивариус — нашли в архиве записи о вашей семье. О Сергее Петровиче Северове, вашем деде. И о его отце, Петре Северове. Мы... мы ищем потомков хранителей. Это долго объяснять, но... ваш дед был хранителем тайны Старогорска. Триста лет назад строитель города, Тихон Варфоломеев, назначил трёх хранителей. Один из них — Никита Поляков, второй — Глеб Северов, ваш предок. Мы нашли каменную книгу, и в ней — о трёх печатях. Ваша печать — круг с крестом».Тишина. Долгая, как пауза между ударами сердца. Потом — голос, тише, мягче: «Круг с крестом... Бабушка рисовала такой знак. На бумаге, на обрывках, на полях газет. Я думал — просто так, машинально. Она говорила: «Это наша отметка. Наша семья». Я не понимал. Она умерла, когда мне было десять. Я помню только знак — круг с крестом. И слово — хранитель". Она говорила: Мы — хранители. Мы храним". Но что храним — не говорила. Может, не знала. Или знала, но не могла сказать».



Лада положила трубку и повернулась к остальным. Лицо её горело — от волнения, от радости, от ощущения, что нить тянется, и клубок разматывается, и конец близко. «Виктор Александрович Северов — внук Сергея Северова. Живёт в Самаре. Помнит бабушку, которая рисовала круг с крестом и говорила хранитель". Не знала, что хранит, но знала, что хранит. Память передалась — через два поколения, через сто лет, через две войны. Бабушка умерла, но знак остался. Слово осталось. Виктор согласился приехать в Старогорск. Он сказал — Если там есть что-то, что связано с моей семьёй, я хочу это увидеть. Я старый, но я

ещё могу поездить"».Алексей, который слушал по громкой связи, сказал: «Я позвоню ему и организую. Дорогу оплачу. Это важно — все три печати должны быть вместе. Три хранителя — три семьи — три печати. Тихон так задумал. Без всех трёх каменная книга не будет прочитана полностью». Бабушка Нина кивнула. «Три печати, — повторила она. — Первая — моя, Полякова. Вторая — Северовых, Виктор. Третья — Ласточкиных. А Ласточкиных мы ещё не нашли».Лада посмотрела на Степана Варфоломеича. «Степан Варфоломеич, вы помните Анну Ласточкину. У неё были дети — Иван и Мария. Может, вы помните ещё что-нибудь? Может, она приходила в архив не один раз? Может, оставила адрес? Может, кто-то спрашивал про неё?» Степан Варфоломеич закрыл глаза и задумался — глубоко, как ныряльщик, который погружается в тёмную воду памяти. «Она приходила трижды, — сказал он наконец. — Три раза. Первый — в 1981 году, спрашивала про улицу Мастеров. Второй — в 1985-м, спрашивала про семью Варфоломеевых. Третий — в 1989-м, последний раз. Она была уже очень старая — за девяносто. Худая, маленькая, в тёмном платке. Она спросила: Молодой человек, а вы не Варфоломеев?" Я сказал — нет, я Стефанов. Она вздохнула и сказала: Жаль. Варфоломеевы должны вернуться. Они обещали". И ушла. Больше не приходила».«Варфоломеевы должны вернуться, — повторила Лада. — Она ждала Варфоломеевых. Алексея. Или его отца. Или деда. Она знала, что строители вернутся. Что потомки Тихона придут и откроют каменную книгу. И она ждала. До последнего. И не дождалась. Но мы — мы здесь. Алексей — здесь. Варфоломеевы — вернулись». Алексей молчал. Потом сказал — тихо, как клятву: «Она ждала. Девяносто лет. Три поколения ждали. И мы пришли. Слишком поздно для неё, но не поздно для книги».

Лада провела ночь без сна. Она лежала в кровати и думала о Ласточкиных. Анна Ласточкина умерла, но дети — Иван и Мария — могли быть живы. Если родились в 1913 и 1916, то им было бы за сто. Скорее всего, их уже нет. Но у них были дети, и у детей — дети. Где они? Куда эвакуировались в 1943 году? Бабушка Нина нашла в архиве только запись «эвакуированы, куда — не указано». Но эвакуация шла по железной дороге — поезда уходили на восток, в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию. Куда именно — можно найти в эвакуационных списках. Если они есть.

Утром Лада побежала к бабушке Нине, и бабушка позвонила Наталье Петровне — заведующей архивом. «Наталья Петровна, — сказала она, — мне нужны эвакуационные списки 1941–1943 годов. По улице Мастеров. Ласточкины». Наталья Петровна ответила: «Нина Васильевна, списки есть, но они в плохом состоянии — бумага осыпается, чернила выцвели. Я дам,

но осторожно, в перчатках». Бабушка Нина положила трубку и посмотрела на Ладу. «Идём. Осторожно. В перчатках».

В архиве бабушка Нина достала из хранилища тонкую папку — «Эвакуационные списки, 1941–1943, улица Мастеров». Бумага была желтоватая, хрупкая, как осенний лист. Бабушка Нина надела белые хлопковые перчатки и осторожно перевернула страницу. Список — рукописный, синими чернилами, аккуратным почерком. Улица Мастеров, дом 12. Ласточкина Анна Михайловна, 1890 года. Ласточкин Иван Петрович, 1913 года. Ласточкина Мария Петровна, 1916 года. Направление эвакуации — город Свердловск, Свердловская область. Дата — октябрь 1943 года. Состав эвакуационного поезда — номер двадцать семь. Железнодорожная станция назначения — Свердловск-Сортировочный.

«Свердловск! — Лада ткнула пальцем в запись. — Екатеринбург! Они уехали в Свердловск, в Екатеринбург!» Бабушка Нина аккуратно сложила список обратно в папку. «Екатеринбург. Теперь нужно искать там. Но это — через Алексея. У него есть связи, он может написать в архив Екатеринбурга, может найти через интернет. Ласточкины — Иван и Мария. Если они умерли — у них есть дети. Нить тянется. Далеко — на Урал, за две тысячи километров. Но тянется».

Лада позвонила Алексею и продиктовала данные: Ласточкина Анна Михайловна, Ласточкин Иван Петрович, Ласточкина Мария Петровна. Направление эвакуации — Свердловск (Екатеринбург). Октябрь 1943 года. Алексей сказал: «Я знаю человека в Екатеринбурге — Марина, она работает в областном архиве. Я попрошу её найти Ласточкиных в списках прибывших эвакуированных. Если они были там — она найдёт. Ждите, это может занять несколько дней».

Лада ждала. Она читала каменную книгу — по странице в день, медленно, как Тихон писал. Бабушка Нина записывала знаки. Алексей переводил. Степан Варфоломеич слушал и вспоминал. Барсик спал и слушал. Книга говорила — тихо, на языке знаков, на языке пальцев, на языке камня. Четвёртая страница: «Старогорск — подземелье — река — дверь — строитель — хранитель — клятва — сердце — камень — вечный». «Старогорск, подземелье, река, дверь — строитель и хранитель клянутся: клятва сердца, камень вечный». Перевод: строители и хранители клянутся хранить подземелья Старогорска под рекой, клятвой сердца, на вечном камне. «Клятва сердца, — повторяла Лада. — Не клятва на бумаге, не клятва на крови. Клятва

на камне, от сердца. Самая крепкая клятва. Камень не горит, не гниёт, не рвётся. Клятва на камне — вечна».

Пятая страница принесла новый знак — рука, держащая что-то. «Рука держит», — перевела бабушка Нина. «Передача. Хранитель передаёт. Передаёт что? Печать? Книгу? Знание?» Шестая страница: «ручка — передать — потомок — потомок — потомок — дерево — рост — рост — рост». Передача из рук в руки, потомкам, дерево растёт. «Как на третьей странице, — сказала Лада. — Тихон повторяет: передавайте. Передавайте печать, передавайте знание, передавайте тайну. Из рук в руки, от поколения к поколению, как дерево растёт от семени. Это не просто инструкция. Это — завещание. Последняя воля строителя».

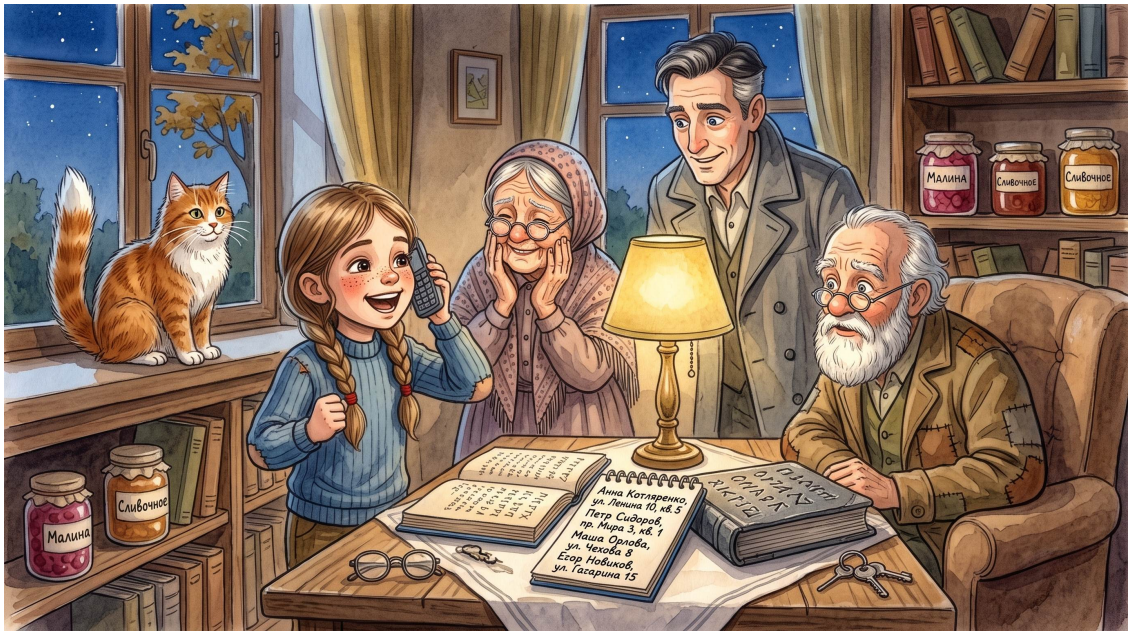
Каменная книга говорила с Ладой — через триста лет, через камень и сланец, через выпуклые знаки и пальцы. Тихон Варфоломеев, строитель Старогорска, высекал её для неё — не для Лады конкретно, а для того, кто придёт. Для наследника. Для того, кто найдёт книгу и прочитает её пальцами, как слепой читает Брайлем. Тихон не знал, кто это будет — мальчик или девочка, старик или ребёнок, Варфоломеев или Поляков. Он знал одно: придёт. Кто-то придёт. И тогда книга заговорит.

Через три дня позвонил Алексей. «Нашёл. Марина нашла Ласточкиных в Свердловске. Прибыли октябрь 1943, эвакопоезд двадцать семь. Ласточкина Анна — умерла в 1947 году, похоронена в Свердловске. Ласточкин Иван Петрович — женился в 1946 году, жена — Клавдия Степанова. Дети — сын Артём, 1948, и дочь Ольга, 1951. Ласточкина Мария Петровна — вышла замуж в 1945-м, муж — Николай Воронин. Дети — сын Сергей, 1946, и дочь Елена, 1949. Дальше — Марина нашла в современных базах: Артём Иванович Ласточкин, 1948 года рождения, живёт в Екатеринбурге, пенсионер. Ольга Ивановна Ласточкина, 1951 года, живёт в Челябинске. Сергей Николаевич Воронин, 1946 года, живёт в Екатеринбурге. Елена Николаевна Воронина, 1949 года, живёт в Санкт-Петербурге. Четверо потомков. Четверо — детей и внуков хранителей. Кто-то из них — носитель третьей печати».

Лада записала все четыре имени и адреса. Потом позвонила — первому, Артёму Ивановичу Ласточкину в Екатеринбург. Трубку подняли быстро — мужской голос, пожилой, с уральским акцентом. «Алло?» Лада набрала воздуха и сказала — быстро, пока не забыла: «Здравствуйте, меня зовут Лада, я звоню из Старогорска. Мы ищем потомков семьи Ласточкиных — хранителей тайны Старогорска. Ваша бабушка, Анна Михайловна Ласточкина, была третьим хранителем. Мы нашли каменную книгу строителя города, и в ней — о трёх печатях. Ваша

печать — ладонь с тремя пальцами. Мы... мы хотим, чтобы вы приехали. Чтобы все три хранителя собрались. Как триста лет назад».

Тишина. Длинная, как зимняя ночь на Урале. Потом — голос, тихий, удивлённый: «Ладонь с тремя пальцами... Бабушка рисовала такой знак. На стенах, на дверях, на сковородках — везде. Мы думали — бабушкины причуды. Старая была, девяносто лет. Но... ладонь с тремя пальцами. Печать... Хранитель...» Ещё тишина. Потом: «Я приеду. Когда? Куда?» Лада назвала адрес бабушки Нины и сказала: «Как сможете. Мы ждём». И положила трубку, и руки её дрожали — не от страха, а от радости, от ощущения, что нить дотянулась до конца, и клубок размотан, и три хранителя — три семьи — три печати — наконец-то вместе. Через триста лет.



Древний язык

Пока ждали приезда хранителей, Лада продолжала читать каменную книгу. Седьмая страница принесла неожиданное — знаки шли не строками, а кругами. Спираль, закрученная от центра к краям, с знаками по спирали, как по виткам раковины.

Лада провела пальцем — от центра, медленно, по спирали, и знаки шли: «Старогорск — подземелье — дверь — река — хранитель — печать — печать — печать — клятва — сердце — камень — вечный — рука — передать — потомок — дерево — рост — глаз — знать — ухо — слышать — рука — делать — сердце — клятва». Спираль возвращалась к началу — к звезде, к Старогорску, — и замыкалась, как змея, кусающая свой хвост.

«Спираль, — сказала бабушка Нина, разглядывая страницу через лупу. — Тихон закрутил текст в спираль. Не случайно. Спираль — вечность. Бесконечность. Нет начала, нет конца. Клятва, которая длится вечно, передаётся по кругу, от поколения к поколению, и возвращается — к началу, к городу, к подземелью, к двери. Клятва строителя — клятва хранителя — клятва потомка. Круг замкнут». Алексей наклонился и провёл пальцем по спирали — медленно, как Лада. «Спираль, — повторил он. — Дед рисовал спираль. На полях блокнота, на обрывках бумаги. Я думал — просто так, машинально.

Но теперь... теперь я думаю, что он знал. Может, не всё, но знал — что клятва — это спираль. Что она возвращается. Что мы вернёмся».Восьмая страница — снова строки, но знаки шли плотнее, и среди них появились новые. Лада нашла пять новых знаков: замок (геометрический, с зубцами), ключ (длинный, с круглой бородкой), мост (дуга над волной), звезда внутри круга (не как раньше — круг с крестом, а именно звезда в круге), и глаз внутри ладони. «Пять новых знаков, — записала бабушка Нина. — Замок — крепость, или защита. Ключ — ключ, буквально. Мост — соединение, или переход. Звезда в круге — может, все вместе" или единое". Глаз в ладони — может, знание в действии" или видеть и делать"». Лада нарисовала их в блокноте — рядом с первыми двадцатью семью.

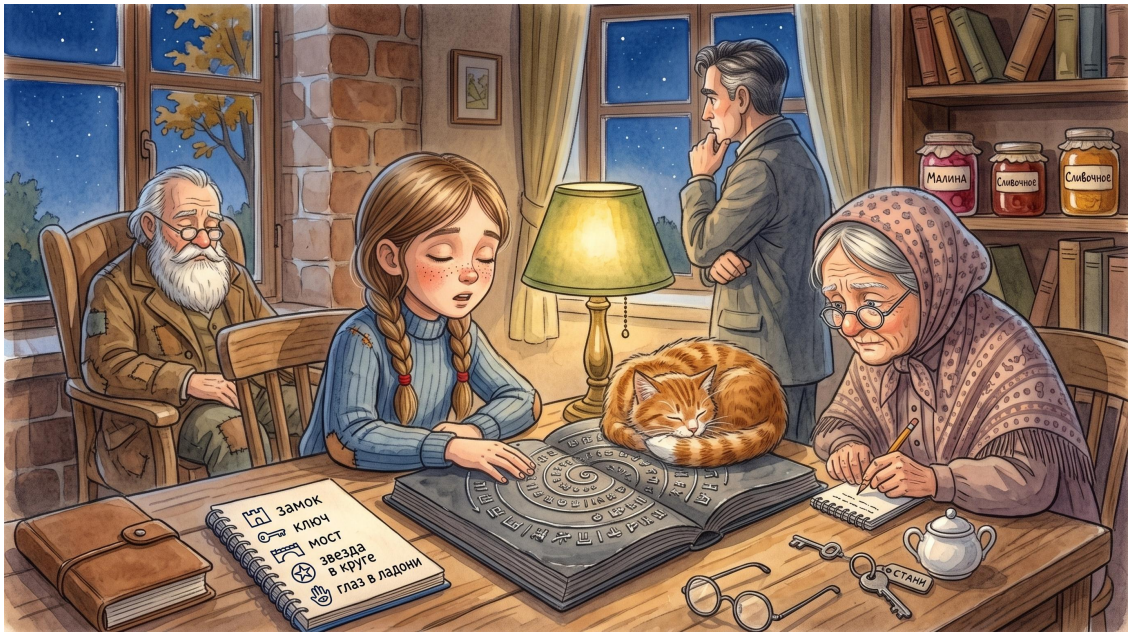
Теперь язык Тихона состоял из тридцати двух знаков. Тридцать два слова — достаточно для послания, для клятвы, для завещания. Но достаточно ли для того, чтобы понять всё?

Лада читала дальше. Восьмая страница говорила о замке и ключе: «замок — ключ — дверь — подземелье — хранитель — хранитель — хранитель». «Замок, ключ, дверь, подзе-

мелье — три хранителя», — перевела Лада. «Три хранителя держат ключи от замка, который закрывает дверь в подземелье. Каждый хранитель — один ключ. Три ключа, три хранителя, одна дверь. Без одного — дверь не открыть. Тихон разделил ключи между тремя, чтобы никто один не мог войти. Чтобы открыть дверь, нужно собрать всех трёх. Безопасность — через разделение. Как кодовый замок: знаешь одну цифру — не откроешь, нужны все три».

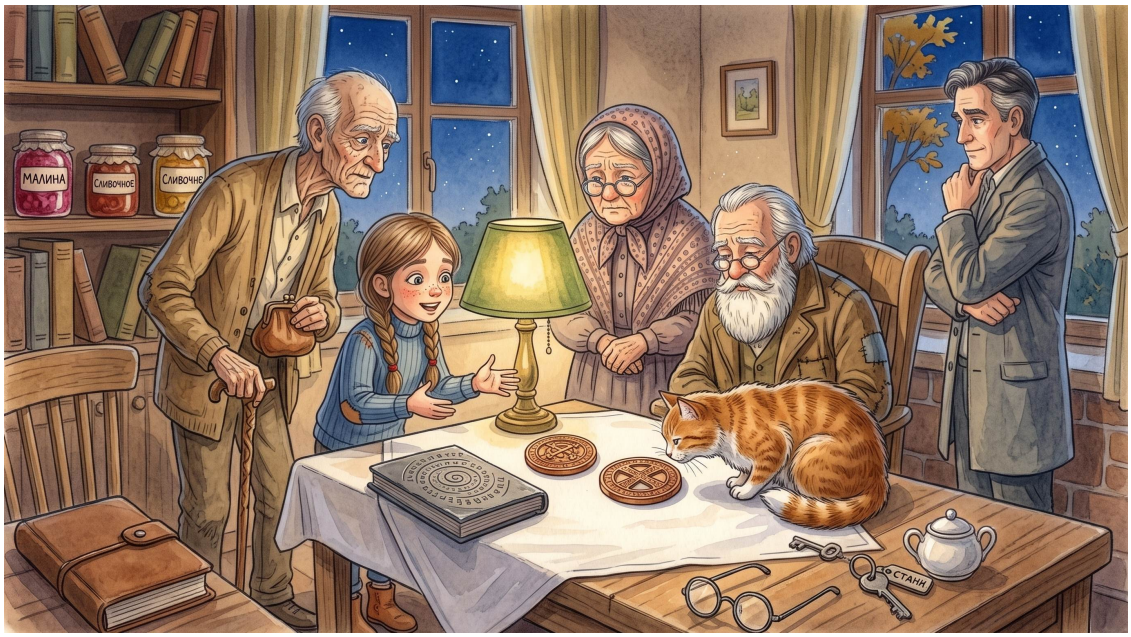
Девятая страница: «мост — река — подземелье — Старогорск — звезда — круг — все — вместе — камень — вечный». «Мост, река, подземелье, Старогорск — звезда в круге — все вместе — камень вечный», — прочитала Лада. «Мост через реку в подземелье Старогорска — все вместе — камень вечный. Мост соединяет части, и все вместе — вечны, как камень. Тихон говорит: только вместе, все три хранителя, все три печати, все три ключа — только вместе вечны. По одному — нет. Вместе — да. Это не просто инструкция. Это философия. Единство — сила, разделение — слабость. Три становятся одним, и один — вечен».

Лада откинулась от книги и закрыла глаза. Пальцы ныли — каждый день по странице, по тридцать два знака, по тридцать два прикосновения. Но она не хотела останавливаться. Каменная книга звала, тянула, как магнит. Каждый знак — как слово, каждый слово — как дверь. И за каждой дверью — следующая. Тихон говорил с ней — через триста лет, через камень и сланец, через выпуклые знаки, которые можно прочитать только пальцами. Говорил просто, ясно, как дед говорит внуку: «Слушай. Понимай. Делай. Передавай». Четыре слова. Четыре действия. Слушай — каменную книгу. Понимай — знаки Тихона. Делай — собирай хранителей. Передавай — дальше, потомкам, по спирали, вечно.



Виктор Александрович Северов приехал через неделю — высокий, сухой, с лицом, как старая пергаментная карта, весь в морщинах, но прямой, как сосна. Ему было восемьдесят три года, и он приехал один, на поезде, с маленьким чемоданом и палкой. Бабушка Нина встретила его у двери и провела в квартиру. Виктор огляделся — на полки с книгами, на фотографии, на каменную книгу на столе — и тихо сказал: «Похоже на бабушкину комнату. У неё тоже были книги от пола до потолка. И тоже пахло лавандой».Лада показала ему каменную книгу и знак круга с крестом. Виктор достал из кармана пальто маленький кожаный кошелёк, развязал шнурок и вынул медную печать — круглую, с ручкой, с гравировкой круга с крестом. «Бабушкина, — сказал он. — Она дала мне за неделю до смерти. Сказала: Береги. Это не украшение. Это — обещание". Я берёг сорок лет. Не знал, что обещать. Теперь — знаю». Он положил печать на стол, рядом с каменной книгой, и все увидели — медный круг с крестом совпал с

каменным знаком, как ключ с замком. Одинаковая форма, одинаковый размер, одинаковые пропорции. Печать легла в знак — точно, как в гнездо.«Первая печата на месте, — сказала бабушка Нина и положила рядом свою — медную, с кругом и крестом, которую нашла дома, в шкатулке, после того, как Лада рассказала ей о хранителях. Бабушка Нина не знала, что это, — лежала в шкатулке, среди пуговиц и старых монет, — но когда увидела знак в каменной книге, достала и узнала. Круг с крестом. Печать Поляковых. Печать первого хранителя. — Вторая печать — вот она». Две медных печати лежали рядом, на белой тряпице, и блестели — тускло, тёплым медным светом, как два старых солнца.



Артём Иванович Ласточкин приехал через три дня — из Екатеринбурга, на поезде, с женой, Ниной Васильевной, и с большой старой сумкой. Он был моложе Виктора — семьдесят пять, коренастый, с крепкими руками, как у кузнеца, хотя всю жизнь работал на заводе. В сумке он нёс то, что нашёл дома, в старом сундуке, после звонка Лады: медную печать — ладонь с тремя пальцами, тёмную от времени, с ручкой, обмотанной кожей. «Дедовская, — сказал он, вынимая печать. — Иван Петрович, мой отец. Он получил её от своей матери, Анны Михайловны. А Анна — от своего отца, Михаила Ласточкина, кузнеца. Печать передавалась — от поколения к поколению, как Тихон и писал в своей каменной книге. Дед не знал, что это. Говорил — бабушкина игрушка". Но берёг. Как берегут то, что не понимают, но чувствуют — важно».Три печати лежали на столе — три медных круга, три знака: круг с крестом, треугольник с точкой, ладонь с тремя пальцами. Три хранителя — три семьи — триста лет. Бабушка Нина — Полякова, первый хранитель. Виктор Северов — второй хранитель. Артём Ласточкин — третий хранитель. И Лада — читатель каменной книги, наследник строителя, та, кто собрала всех троих. Алексей Варфоломеев — потомок Тихона, строитель, вернувшийся, как и предсказала Анна Ласточкина: «Варфоломеевы должны вернуться».Лада посмотрела на троих хранителей — бабушку Нину, Виктора, Артёма — и на Алексея, и на Степана Варфоломеича, и на Барсика, который сидел на столе, среди печатей, и смотрел на всех зелёными глазами с янтарной искрой. «Три печати, — сказала Лада. — Три хранителя. Три ключа. Каменная книга говорит: три ключа открывают одну дверь. Какую дверь? Мы нашли подземелья, нашли улицу Мастеров, нашли хранилище. Но каменная книга говорит о ещё одной двери — двери, которую открывают три ключа вместе. Где эта дверь?» Бабушка Нина посмотрела на каменную книгу. «Дальше, — сказала она. — Дальше в книге. Тихон написал, где. Нужно читать дальше. Страница за страницей. Знак за знаком. Пальцами. Как он хотел».

Лада читала каменную книгу с утра до вечера, и хранители слушали. Десятая страница — карта. Не знаки-слова, а знаки-карта: линии, круги, стрелки, направления. Лада водила пальцем и читала — не слова, а путь. «Вот дом — вот подземелье — вот тоннель — вот река — вот хранилище — вот улица Мастеров — вот крепость на холме — и вот...» Палец остановился. В центре карты, под крепостью, был знак, которого она не видела раньше — круг, а внутри — три ключа, и дверь. Три ключа, одна дверь. «Вот она, — сказала Лада. — Дверь трёх ключей. Под крепостью на холме. Мы были в крепости, нашли каменную книгу в фундаменте. Но дверь трёх ключей — глубже. Под фундаментом. Ещё ниже. Туда мы не спускались».

Бабушка Нина посмотрела на карту и покачала головой. «Под фундаментом крепости? Это может быть глубоко — десять, двадцать метров. Триста лет назад Тихон строил подземелья под домами, под улицами. Но под крепостью — это уже не подземелье, это — скала. Старогорск стоит на chalkовых холмах, и под ними — меловые породы, мягкие, но плотные. Тихон мог прорыть ход в меле — мел легко резать, он белый, как воск, и сухой. Но за триста лет ход мог обрушиться. Мел — мягкий».

Алексей посмотрел на карту внимательнее. «Дед рисовал мелом. На доске, на стене, на бумаге — всегда мелом. Я думал — привычка. Может, нет. Может, Тихон работал с мелом — резал ходы в меловой породе под крепостью. И дед это знал. Или чувствовал. Меловые ходы. Белые, как воск. Сохранные — мел не гниёт, не ржавеет, не горит. Камень — вечен, писал Тихон. Мел — камень. Меловые ходы под крепостью. Дверь трёх ключей. Три печати, три хранителя, три ключа». Лада закрыла каменную книгу — осторожно, как закрывают драгоценность, — и посмотрела на троих хранителей. «Мы идём, — сказала она. — Все вместе. Как триста лет назад. Три печати, три ключа, одна дверь. Мы идём под крепость. Завтра».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.